

РЕЦЕНЗИИ

Межкатегориальные связи в грамматике / Под ред. А.В. Бондарко, М.Д. Воейковой, Н.А. Козинцевой. СПб., Изд-во "Дмитрий Буланин", 1996. 231 с.

Грамматическое описание предполагает прежде всего установление и всестороннюю характеристику грамматических категорий. Однако изолированная от конституции, от языковой и речевой среды категория – это всегда в известном смысле искусственный "препарат", полученный в результате применения специальных процедур лингвистического анализа. Очевидно, что в речевых произведениях перед нами предстают не изолированные языковые категории, а комплекс взаимодействующих категорий морфологии и синтаксиса, грамматики и лексики. На определенном этапе развития языкознания было важно разработать методику вычленения категорий из этих комплексов, что было отнюдь не простой задачей¹.

Подход к языковой категории как к изолированному, вычлененному из лексического и грамматического контекста феномену позволил глубже изучить сущность самого понятия категории и установить основные типы формальных и семантических отношений между элементами, противопоставленными в рамках категории. И тем не менее этот подход в настоящее время в значительной степени себя исчерпал, так как для многих языков мира уже выявлен и в целом описан корпус языковых категорий (прежде всего – категорий грамматики).

Возврат к комплексам категорий (или, по выражению А.В. Бондарко, "поликатегориальным единствам") – но уже на этот раз не как к исходному материалу для вычленения категорий, а как к самостоятельному объекту особой природы, со своими особыми системообразующими свойствами, предста-

вляется вполне закономерным в рамках системного и функционального подходов к языку. Специальное теоретическое осмысление проблемы межкатегориальных связей на материале языков различных типов весьма актуально и для общего языкознания, и для описания конкретных языков.

Рецензируемая книга займет особое место в получившей самую широкую известность и признание "ленинградской" серии монографий по теории системно-описательной и функциональной грамматики, подготовленных к изданию в отделе теории грамматики и лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН². Именно в данной работе объектом специального анализа становится понятие межкатегориальной связи, которое по самой своей сути должно являться, безусловно, одним из важнейших, основополагающих понятий системного подхода к языку (см.: [Булыгина 1980; Храковский 1990; Кибрик 1992 и др.]).

Конечно же, взаимодействие категорий имплицитно предполагается в качестве одной из исходных теоретических посылок при исследовании конкретного языкового материала во многих работах, поскольку и языковая система в целом, и любая языковая подсистема представляют собой классы элементов, упорядоченных сетью отношений. Однако сам феномен межкатегориального взаимодействия до сих пор рассматривался в теоретическом плане обычно либо в самом общем виде, либо на материале, ограниченном рамками одного языка, а чаще всего и одной части речи.

Теория межкатегориального взаимодействия излагается в двух разделах

¹ Ср. наблюдавшееся в XVIII–XIX в. объединение (точнее, смешение) русских категорий вида и времени в рамках многочленной – до десяти форм! – временной системы, устанавливаемой по аналогии с западноевропейскими языками, не обладающими категорией вида.

² См., в частности: [Холодович, ред. 1974; Бондарко и др. 1987, 1990, 1991, 1992, 1996; Недялков, ред. 1983; Храковский, ред. 1989 и др.].

рецензируемой книги – в предисловии, написанном ответственным редактором издания А.В. Бондарко, где определяется общая стратегия описания поликатегориальных единств, и в разделе "Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия)", автором которого является В.С. Храковский.

А.В. Бондарко в предисловии разграничивает два типа объектов, представляющих интерес в плане изучения межкуатегориальных связей (с. 3). Это, с одной стороны, традиционно описываемые "естественные комплексы" категорий, связи между которыми очевидны (вид и время, время и наклонение), а с другой – такие поликатегориальные единства, само существование которых или дискуссионно, или же вообще до сих пор не стало предметом широкого научного обсуждения в силу того, что сами категории, образующие подобные единства, к настоящему времени не вошли в общепринятый аппарат грамматического описания. Попутно сразу же замечу, что установление и описание в монографии ряда нетривиальных категориальных единств на материале, казалось бы, достаточно хорошо изученных языков (см. подробнее ниже) – одно из бесспорных достижений авторов рецензируемого издания.

В предисловии разграничены также основные типы связей между категориями языка: связи парадигматические (они обнаруживаются в морфологической парадигме слова) и связи функциональные, обнаруживаемые при изучении функционирования категорий в речи. Кроме того, объективно существующая в языке иерархизация категорий (ср.: "...функциональные разновидности одной категории могут рассматриваться как позиции по отношению к функционированию другой грамматической категории" – с. 4) позволяет также подвергнуть специальному изучению иерархические связи между категориями (с. 3).

Характер представления описываемых поликатегориальных единств в принципе может быть, как подчеркивает А.В. Бондарко, различным, что и демонстрируется в рецензируемой монографии. В одних разделах монографии за основу рассмотрения берется определенная языковая категория, а объектом изучения становятся ее многоплановые связи с другими категориями. С подобным "центрированным" (или "фокусированным") подходом в монографии сочетается описание категорий в определенной морфологической парадигме или в контексте предложения определенного типа, при этом за точку отсчета берется не

отдельная категория, а целостный комплекс категорий на уровне слова, предложения, высказывания или связного текста.

Построение основной части монографии подчинено не логике противопоставления типов межкуатегориального взаимодействия, а связано с разграничением уровней ее реализации такого взаимодействия в языке и речи.

Как уже было сказано выше, в монографии рассматриваются с точки зрения межкуатегориального взаимодействия не только традиционные, хорошо изученные категории (например, наклонение, вид, число и т.п.), но и категории, пока еще не являющиеся достоянием стандартной лингвистической теории, поскольку само обоснование их выделения было осуществлено лишь недавно. В связи со сказанным только что следует отметить прежде всего описание системных связей, характеризующих особую категорию высказывания и связного текста – категорию времени и его порядка. О ней идет речь в принадлежащем перу А.В. Бондарко разделе "Категория временного порядка и функции глагольных форм вида и времени в высказывании".

"Временной порядок, – пишет автор, – трактуется нами как отражаемое в высказывании и целостном тексте языковое представление "времени в событиях", т.е. представление временной оси, репрезентируемой событиями, процессами, состояниями, обозначениями моментов времени и интервалов (*на другой день, через пять минут* и т.п.)" (с. 6). Категория временного порядка представляет собой, по мысли А.В. Бондарко, одну из семантических категорий, в которых реализуется идея времени (в самом широком смысле), наряду с общепризнанными уже категориями темпоральности, таксиса, аспектуальности и временной локализованности (с. 6); о закономерностях функционального соотношения перечисленных категорий см. подробнее в [Бондарко и др. 1987; 1990; Бондарко 1996].

Категоризация недискретного по своей природе временного порядка в виде бинарного противопоставления смыслов, имеющих специализированные средства выражения, осуществляется А.В. Бондарко на основе следующих пар семантических признаков: динамичность / статичность; "возникновение новой ситуации" (ВНС) / "данная ситуация" (ДС); сукцессивность / симультанность. При этом можно говорить и об иерархической подчиненности признаков друг другу, и, соответственно, об определенном "синтаксисе" признаков в рамках

толкования ситуации; ср. рассматриваемый в монографии пример из К. Вагинова и его интерпретацию в плане выражения отношений временной последовательности: "В вагоне никого не было [ДС₁], они сидели вдвоем [ДС₂, simultанность по отношению к ДС₁; комплекс элементов ДС₁ и ДС₂, образующий более широкую "данную ситуацию", обуславливает выражение в тексте семантики статичности]. Костя Ротиков встал [ВНС₁] и стал читать [ВНС₂] сонет Гонгоры [статичность сменяется динамичностью: сочетание элементов ВНС₁ и ВНС₂ передает смену ситуаций, находящихся в отношении сукцессивности]" (с. 7).

Идея временного порядка исключительно важна для выстраивания временных отношений. Более того, это по сути своей *центральный* концепт в рамках системы представлений о времени, категория уровня текста (см. соответствующие утверждения на с. 12 и 14). Таким образом, разрабатываемая А.В. Бондарко в течение уже трех десятилетий лингвистическая модель времени обогатилась в последние годы весьма существенным компонентом.

Представляют интерес наблюдения о том, что категория временного порядка реализуется не только в полипредикативных конструкциях, выражающих бинарное соотношение ДС – ВНС, но и в изолированных (автономных) монопредикативных высказываниях с формами совершенного вида, манифестирующих лишь ВНС (*Вчера мы письмо получили*); содержание подобных высказываний, по мнению А.В. Бондарко, соотносено с определенной точкой на временной оси, в презумпции же – та или иная ДС, имплицитно предшествующая данному ВНС и фактически его подготавливающая (или даже каузирующая); см. рассуждения на эту тему на с. 10, 13, 20 и др. В этой связи было бы интересно, вероятно, обсудить возможность автономного выражения ВНС в высказываниях с формой не-совершенного вида (ср. высказывания типа *Мы наконец-то переезжаем!*).

Показав грамматическую природу постулируемой категории, А.В. Бондарко обращается к рассмотрению связей категории временного порядка как центральной категории обширного функционально-семантического поля времени с другими категориями, образующими это поле. Автор разграничивает смежные, но различные по своему содержанию категории временного порядка и темпоральности. Так, принципиально недейктические обстоятельственные показатели временного порядка типа *затем*, *на следующий день* отграничены в моногра-

фии от соответствующих показателей временного дейксиса, принадлежащих сфере собственно темпоральности, типа *когда-нибудь*, *прошлым летом* (с. 8–9). В монографии проводится детальный анализ полифункциональных распространителей типа *через десять минут*, которые в различных контекстах могут иметь как недейктическую, так и дейктическую функцию, ср.: (1) *Через десять минут семья из Сан-Франциско сошла в большую барку...* (И. Бунин) и (2) *Через десять минут я зайду к тебе*. Временной порядок как категория, реализуемая самым широким спектром языковых средств от целостного текста до аспектуально охарактеризованного монопредикативного предложения, отграничивается А.В. Бондарко от смежной категории таксиса (характеризующейся, по его мнению, специализированным выражением в виде полипредикативной конструкции: с. 20). Определенные связи устанавливаются также между временным порядком и временной локализованностью (с. 21).

Следующая часть монографии озаглавлена "Грамматические категории глагола". Она открывается теоретическим разделом "Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия)", написанным В.С. Храковским. Автор раздела, специально разрабатывавший проблематику межкатегориального взаимодействия на материале глагола [Храковский 1990], излагает параметры рассмотрения глагольных категорий на материале различных языков ряде последующих разделов монографии и задает точку отсчета при описании категорий: система грамматических категорий глагола моделируется в направлении от категории наклонения.

В.С. Храковский предваряет свой раздел обсуждением исходного понятия "взаимодействие", что немаловажно не только для содержания данной части рецензируемой монографии, но и в более широком плане, поскольку, как справедливо отмечается в монографии, "в настоящее время в языкознании нет какой-либо теории взаимодействия" (с. 24). Взаимодействие трактуется В.С. Храковским как разновидность отношений между категориями (другими разновидностями межкатегориальных отношений являются: взаимообусловленность, взаимозависимость и взаимосвязь). Взаимодействие определяется как "такое отношение между грамматическими категориями, при котором обе категории функционируют согласованно и влияют друг на друга таким образом, который может приводить к видоизменению обеих грамматических категорий (в

частном случае – одной категории)" (с. 25). Взаимообусловленность, в отличие от взаимодействия, предполагает "обязательное сосуществование двух категорий" (там же). Что касается других типов межкатегориального отношения, то о них В.С. Храковский пишет: "...я не убежден, что взаимозависимость и взаимосвязь четко отличаются друг от друга по понятийному содержанию". Дефиниции этих двух последних типов отношений, к сожалению, в работе не приведены, однако говорится о том, что у сопряженных категорий, находящихся в отношениях взаимозависимости (вид – время, время – наклонение), отмечается наличие общего семантического компонента (с. 25), что совсем не обязательно для категорий, находящихся в отношениях других типов.

В монографии (с. 26) оценивается как правдоподобная гипотеза семантического устройства глагольной словоформы, предложенная на материале агглютинативных языков в исследовании [Кибрик 1992: 31]. Согласно этой гипотезе, продолжает В.С. Храковский, "семантическое представление глагольной словоформы можно уподобить набору матрешек. Внешняя матрешка – это категория наклонения, в значении которой имеется переменная, заполняемая значением категории времени, т.е. следующей матрешки. В свою очередь в значении категории времени есть переменная, которая заполняется значением категории вида (...). И в значении категории вида есть переменная, которая заполняется значением корня, представляющим собой последнюю, внутреннюю матрешку" (там же). По мнению Храковского, взаимодействовать могут не только смежные категории, значения которых непосредственно "вкладываются" друг в друга (ср. наклонение и время), но и категории, семантически далекие друг от друга (например, наклонение и вид, наклонение и лицо, наклонение и число, наклонение и залог).

Этот тезис обосновывается в монографии с использованием многочисленных примеров из языков различных типов, при этом автор раздела высказывает целый ряд соображений, уточняющих бытующие представления о составе категорий того или иного языка.

Проследивая взаимодействие категорий наклонения и времени, автор обосновывает отсутствие категории времени у форм императива в латыни; и императив настоящего времени, и императив будущего времени обозначают будущее действие; сходная ситуация обнаруживается и в тунгусо-маньчжурских языках, в частности в нанайском.

Есть основания усматривать наличие у указанных форм не категории времени (в обычном понимании), а особой категории временной ориентации. "...Различие образующих ее [т.е. данной категории. – Е.К.] форм, – пишет В.С. Храковский, – связано с обязательностью/необязательностью наличия интервала между моментом речи и моментом исполнения действия" (с. 29), ср.: *Manus lava et cena* (действие произойдет непосредственно после момента речи) – *Si me diligis, ad me literas mittito* (действие может произойти только через какой-либо временной интервал после момента речи).

Подобные примеры позволяют В.С. Храковскому говорить о принципиальной возможности "ликвидации" одной (зависимой, рецессивной) категории под воздействием другой, доминантной категории как одном из типов взаимодействия категорий (с. 41). Не отрицая принципиальной возможности такого взаимодействия категорий, я бы интерпретировал конкретные рассмотренные факты осторожнее – не как ликвидацию категории времени в императиве, а как особый позиционно обусловленный семантический сдвиг в рамках категории времени, как явление функциональной трансформации граммем категории времени под воздействием общей футуральной перспективы императива.

Категория наклонения является доминантной категорией, как показано в монографии, по отношению к категории вида (с. 30–33), а также по отношению к категориям залога (с. 34–36), лица и числа (с. 36–41). В результате попарного изучения взаимодействия перечисленных категорий с категориями наклонения В.С. Храковский выделяет несколько типов видоизменения рецессивных категорий: 1) ликвидация рецессивной категории под влиянием категории доминантной (см. примеры выше); 2) ликвидация отдельных форм рецессивной категории (ср. регулярное отсутствие в императиве корреляции по залогу); 3) появление рецессивной категории на фоне ее отсутствия в других грамматических формах того же слова (ср. наличие в некоторых языках, например в нивхском, кламат, лезгинском, монгольском, японском, в формах императива противопоставления по лицу и числу и отсутствие подобного противопоставления в индикативе); 4) появление у рецессивной категории новых форм (например, в русском языке формы "двойственного числа" императива типа *идем!* при отсутствии двойственного числа в индикативе); 5) содержательная модификация

граммем рецессивной категории (ср. в английском преобразование в императиве оппозиции 'актив/пассив' в оппозицию 'некаузатив/каузатив': *Don't be deceived* 'не будь обманут (= не дай себя обмануть)'; 6) формальная модификация рецессивной категории (имеется в виду, судя по приводимым примерам, изменение относительной значимости граммем категории: в императиве центральной является форма 2-го лица, которая никогда не является центральной в индикативе); 7) содержательная модификация отдельных форм рецессивной категории (так, в индонезийском языке в пассиве индикативная форма 3-го л. может использоваться как форма 2-го л. императива); 8) формальная модификация отдельных форм рецессивной категории (в качестве примера отмечается тот факт, что в императиве и индикативе одно и то же лицо может обозначаться с помощью разных формальных показателей).

Перечень типов межкатегориального взаимодействия, как полагает В.С. Храковский, может быть расширен. Кроме того, автор называет целый ряд категорий, которые никак не взаимодействуют с категорией наклонения. Это категория рефлексива, реципрока и каузатива (с. 42). Последнее утверждение нуждается, как кажется, в уточнении в связи с приведенными ранее примерами функциональной соотносительности пассива и каузатива под воздействием императива (очевидно, нужно в полной мере учитывать явления опосредованного воздействия одной категории на другую и разработать отдельную классификацию типов подобного непрямого взаимодействия категорий). В целом рассуждения В.С. Храковского представляют серьезный вклад в теорию межкатегориальных связей.

Ю.А. Пупынин в разделе "Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях" развивает целый ряд положений, высказанных в работах А.В. Бондарко и конкретизированных в его собственных исследованиях. Автор соотносит по семантике систему глагольных категорий с частеречным значением процессуальности (с. 44, 49). Сразу же можно заметить, что такое соотнесение вполне правомерно по отношению к большинству, но отнюдь не ко всем глагольным категориям: не имеют прямого отношения к процессуальности категориальные значения глагольного числа и рода (указание на количество и биологический пол субъектов действия); лицо также соотносится скорее с

элементами коммуникативной ситуации (в системе координат 'я — здесь — сейчас'), нежели с денотативной ситуацией, предикат которой и обозначается процессуальной (глагольной) лексемой.

Исходя из представлений об относительной значимости глагольных категорий (о "формально-структурной иерархии грамматических категорий глагола"), Ю.А. Пупынин предлагает следующую схему воздействия одних категорий на другие (с. 46):

ВИД →
→ НАКЛОНЕНИЕ → ВРЕМЯ → ЛИЦО
ЗАЛОГ →

Данная схема, отражающая формальное воздействие одних (более общих) категорий на другие (более частные), должна быть, как кажется, соотнесена с выводами В.С. Храковского в предыдущем разделе монографии о наклонении как функционально доминирующей категории по отношению не только к категории лица, но и вида, и залога.

Ю.А. Пупынин ставит закономерный вопрос о парадигматической избирательности категорий (с. 47): граммемы одних категорий "пересекаются" друг с другом в одной словоформе (например, граммемы лица и настоящего/будущего времени), другие же граммемы "уклоняются" от такого пересечения (ср. граммемы лица и прошедшего времени). Теоретически возможно 256 комбинаций граммем вида, залога, наклонения, времени и лица. Реально в русском языке отмечена 21 регулярная комбинация граммем в рамках словоформы; в этот перечень не включены "ограниченно возможные" сочетания граммем, например 'НСВ + пассив + индикатив + настоящее время + 1-е л.', хотя в художественной литературе и отмечаются фразы типа *...Я читаюсь больше, чем Лев Толстой* (А. Толстой).

"В процессе функционирования грамматических форм, — пишет Ю.А. Пупынин, — многие парадигматические ограничения преодолеваются, компенсируются с помощью других языковых средств" (с. 52). Так, отсутствующая у инфинитива граммема лица компенсирована контекстными показателями: *Нам время тлеть, тебе — цвести* (А. Пушкин). Автор высказывает утверждение об обязательной контекстной выраженности личного значения для любого употребления неличных форм глагола (инфинитива, деепричастий), а также для таких форм, как прошедшее время индикатива, сослагательное и повелительное наклонение (с. 53). Отдельно рассмотрен

вопрос о функционировании сослагательного наклонения, в частности о темпоральном содержании высказываний с формами сослагательного наклонения (с. 54–55) и о конкуренции конструкций типа *Я хотел бы рассказать / Я хочу рассказать / Я рассказал бы* (с. 55–58).

Е.Е. Корди (раздел "О взаимодействии категорий французского глагола: императив и категории лица/числа, времени/вида, залога") обращается к французскому императиву, практически не имеющему, как известно, парадигматических форм, не омонимичных формам индикатива или же сослагательного наклонения – субжонктива. Тем не менее с учетом особых синтагматических характеристик императива (ср., в частности, системный запрет на реализацию позиции субъекта – подлежащего) императив признается в работе особой "категорией" (точнее, возможно, было бы сказать: граммемой) французского наклонения с шестью категориальными формами, базирующимися на противопоставлении значений трех лиц и двух чисел (с. 62–66), причем все эти формы принадлежат плану будущего (изменяемость по времени отсутствует) и обычно несоместимы с пассивным значением (с. 75–77).

При реализации императивного значения важную роль играет коммуникативное значение адресата речи: непосредственно ориентированные на адресата формы второго лица составляют центральное звено системы императива, а императивные формы, соотносимые с субжонктивом, используются в собственно императивном (а не, например, оптативном) значении при наличии "слушающего, который принимает активное участие в реализации побуждения" (с. 70), ср.: *Que je ne te revoie jamais!* 'чтоб я никогда тебя больше не видел' (= 'уйди навсегда').

В разделе "Взаимодействие перфекта с семантическими и грамматическими категориями в высказываниях современного армянского языка" (автором его является Н.А. Козинцева) перфектные формы индикатива – собственно перфект и плюсквамперфект, противопоставленные в анализируемом языке имперфективным формам (презенсу и имперфекту) и результативу, рассматриваются в русле заявленной автором раздела комплексной программы описания перфекта. Эта программа предполагает изучение системного взаимодействия граммы перфекта с лексической семантикой глагола, с сопряженными морфологическими категориями глагола (залог, лицо, число), с морфологическими категориями имени (число, определенность-неопределенность) и с категориями высказывания

(модальность, временная локализованность-нелокализованность, таксис, коммуникативная перспектива).

В рецензируемой монографии реализована, естественно, лишь часть данной широкомасштабной программы. Армянский перфект рассмотрен прежде всего в связи с характером валентности и разграничением аспектуальных классов глагола (предельные/непредельные одноактантные и многоактантные глаголы; с. 80–86). Обсуждаются также вопросы установления контекстуальных типов армянского перфекта, который может употребляться как в контекстах, выражающих актуальность последствий действия для момента речи (*Erku goreov et ekel* 'Я пришел на две минуты'), так и в контекстах, не связанных с обозначением актуальной значимости последствий действия в прошлом. В контекстах второго типа перфект передает значение незаинтересованности действия со стороны говорящего (точнее, косвенной авторизации информации о действии: *Hers patmun e:r, or im holor papern ays kulayic en gini xmel* 'Мой отец рассказывал, что все мои деды пили вино из этого кувшина'), или же участвует в формировании нарративного текста, что является типологически существенной характеристикой именно армянского перфекта, и перфект в подобных контекстах сближается с аористом (с. 95–96). В разделе на большом фактическом материале рассмотрены также соотношения граммем перфекта и пассива, перфекта и лица.

Следующая часть монографии, посвященная специальному рассмотрению категорий имени, представлена лишь одним разделом: "Категория числа и определенность/неопределенность в современных иранских языках". Построения этого раздела монографии базируются на данных обеих генетических ветвей иранских языков – западноиранской, представленной персидским, курдским и белуджским языками, и восточноиранской – афганский и рушанский языки.

Автор раздела И.А. Смирнова убедительно демонстрирует сложное многоуровневое взаимодействие в сфере рассматриваемых категорий. Прежде всего, семантический потенциал грамматической категории числа непосредственно обусловлен в иранских языках лексической категорией, реализуемой в противопоставлении двух основных классов имен – лиц и "предметов" (в последние включаются и наименования неактивных по своему поведению в той или иной ситуации животных; с. 108–109). С другой стороны, категория числа выступает как "среда" для семантической категории

определенности/неопределенности. Так, немаркированные с точки зрения количественности (т.е. первично предназначенные для обозначения не единичных предметов, а целых классов предметов: перс. *kolax* 'шапка вообще', бел. *draxi* 'дерево вообще'; с. 108) формы единственного числа предметных существительных при наличии специальных распространителей – указательных местоимений, показателей единичности – могут выражать как четко актуализированную единичность, всегда связанную с противопоставлением определенности/неопределенности, так и нейтральную в отношении определенности/неопределенности неактуализированную единичность (с. 131–135). Формы же единственного числа личных существительных могут выражать актуализованную единичность без каких бы то ни было контекстных уточнителей. Форма множественного числа имеет категориальное значение раздельной (расчлененной) множественности (перс. *Čeraxha āz dur su mičādānd* 'вдали мигали **фояари**') и целый ряд иных значений, включая и значение класса предметов (отмечаемое, например, для предметных имен в афганском, реже – в курдском языке).

В результате изучения материала И.А. Смирнова устанавливает два типа отношений между категориями числа и определенности/неопределенности: 1) для формы единственного числа предметных имен отмечается "слияние этих двух категорий" как в формальном, так и в содержательном отношении и тенденция к грамматикализации числовых уточнителей (например, к артиклеобразованию); 2) для формы единственного числа личных имен и для формы множественного числа как личных, так и предметных существительных можно говорить об автономном выражении значений числа и определенности/неопределенности при отсутствии грамматикализации лексических уточнителей каждого из типов значений (с. 143).

Подчеркивая информативность рассмотренного раздела монографии, можно только выразить сожаление, что именные категории не были проанализированы в рецензируемой диссертации в более полном объеме – как на материале иных языковых групп, так и на всем типологически возможном корпусе категорий (согласовательный класс, род, одушевленность, падеж и др.).

Заключительная часть монографии посвящена изучению межкатегориального взаимодействия синтаксических единиц с категориями лексики и морфологии. Эта часть открывается небольшим по объему

разделом "Связи субъекта и объекта с грамматической семантикой предиката в русском языке", написанным Ю.А. Пупыным. Автор исходит из ряда допущений, и основным является предположение о том, что предикат, субъект и объект представляют собой определенные к а т е г о р и и синтаксиса и что "...на уровне синтаксической конструкции в центре внимания находятся межкатегориальные связи типа Субъект – Предикат – Объект. Однако конкретная репрезентация Субъекта, Предиката и Объекта происходит при участии соответствующих ГК (грамматических категорий. – Е.К.) более низкого порядка..." (для субъекта и объекта – это категории падежа, числа, рода, для предиката – категории вида, залога, наклонения, времени, лица (с. 145). При этом Ю.А. Пупынин полагает, что "возможно и даже целесообразно интерпретировать предикат как категорию более высокого порядка, по отношению к которой грамматические (морфологические) категории выступают как ряд (система) признаков" (там же). Автор кратко рассматривает реализацию субъектно-объективных значений в активных и пассивных, а также безличных конструкциях, отношение субъекта и объекта к действительным ориентирам ситуации речи, семантическую специализацию субъекта и объекта (по отношению к семантико-синтаксическим ролям агенса, бенефактива, инструмента и т.п.), а также возможности референтной отнесенности субъекта и объекта (в оппозиции "референт" – "класс").

Категориальная интерпретация актантных и предикатных (а также, очевидно, и сирконстантных?) значений представляется интересной и перспективной, поскольку позволяет существенно расширить и конкретизировать в целом менее детально описанную по сравнению с набором морфологических или лексических категорий систему категорий синтаксиса. Однако мысль о наличии прямой корреляции между морфологическими и синтаксическими категориями заставляет вспомнить об обосновываемой выше в монографии (с. 43 и сл.) едва ли не аналогичной корреляции между наборами морфологических категорий и частями речи. Как представляется, в этой связи было бы весьма своевременным обращение к вечной проблеме, решаемой традиционной грамматикой в терминах соотношения частей речи и членов предложения. В любом случае, однозначная привязка предиката к глагольным категориям, а субъекта или объекта – к категориям имени требует более пристального рас-

смотрения с привлечением сведений, с одной стороны, о неизменной репрезентации так называемых предикатных актантов, а с другой – о регулярном субстантивном выражении основного предиката высказывания (*Мой брат – студент*): во всех подобных случаях постулируемая в монографии корреляция между категориями морфологии и синтаксиса или существенно деформируется, или же вообще разрушается.

Завершают монографию два раздела, посвященные категориальным свойствам синтаксических конструкций различной семантики. М.Д. Воейкова в разделе "Категориальные признаки перформативных высказываний в русском языке" кратко излагает историю изучения перформативности как особого свойства высказывания и характеризует семантическую структуру перформативного глагола и вводимой им пропозиции (с. 155–160), после чего рассматривает реализацию в русских перформативных высказываниях таких категорий, как вид и время, а также лицо, залог и модальность (161–166).

Е.А. Мельникова посвящает написанный ею фрагмент коллективной монографии решению на материале английского языка следующей проблемы: "Семантический признак 'характер передаваемой информации' и типы синтаксических конструкций с глаголами речи" (с. 168–216). Автор предлагает детально разработанную классификацию глаголов речи с учетом признака 'характер передаваемой информации', выстраивая особым образом организованную лексико-семантическую категорию, образуемую противопоставлением глаголов информационной семантики типа *to inform*, глаголов речевого поведения типа *to blame* 'порицать, обвинять', "экспрессивов" типа *to congratulate* 'поздравлять' и глаголов идентификации типа *to define* 'определять' (с. 169–170). В дальнейшем изложении содержится детальная характеристика семантики и конструктивных возможностей каждого из указанных лексических классов. Сам характер значения описываемых глаголов предполагает обращение автора к проблематике категории перформативности (с. 168), специально рассмотренной в предыдущем разделе монографии. Анализируя сочетаемость глаголов речи с именными актантами 'агенса', 'адресата' и 'содержание речи', автор заключительного раздела рецензируемой монографии опирается также на понятие особой глагольной категории – категории переходности (с. 169); попутно можно выразить сожаление, что данная синтагма-

тически выражаемая грамматическая категория глагола фактически игнорируется в предыдущих разделах монографии (а в разделе, посвященном армянскому перфекту, трактуется как лексический фактор реализации функций перфекта: с. 79).

Жаль также, что монография не содержит общего заключения, в котором бы суммировались основные теоретические результаты проведенного исследования связей между языковыми категориями и намечались бы перспективы дальнейшего изучения поликатегориальных единств.

Издание в целом хорошо оформлено, снабжено большим перечнем использованной литературы (с. 217–226); это самая полная библиография по проблемам межкатегорического взаимодействия и смежным вопросам. Завершают книгу указатели – именной и предметный. Недостает, возможно, лишь списка условных сокращений – их в книге очень много, и некоторые из них носят ярко выраженный авторский характер: Ц, ОГР, КЧ, О/НО и т.п.

Разумеется, не все вопросы теории межкатегорического взаимодействия поставлены (и тем более однозначно решены) в рецензируемом труде. Однако трудно упрекнуть за это авторский коллектив: для достижения указанной глобальной цели необходимо предварительное конкретное и весьма трудоемкое описание, причем по единой программе, всех поликатегориальных единств в языках различных типов, которое в конечном итоге должно вылиться в многотомный труд, создание которого может мыслиться лишь на весьма отдаленную временную перспективу.

Важно, что авторы рецензируемой коллективной монографии, подводя итог определенному этапу изучения межкатегорического взаимодействия, заставляют читателя задуматься о комплексе исследовательских задач, решение которых важно для развития теоретической базы системно-коммуникативной научной парадигмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко А.В. 1996 – Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
Бондарко А.В. и др. 1987 – Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Под ред. А.В. Бондарко и др. Л., 1987.
Бондарко А.В. и др. 1990 – Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под ред. А.В. Бондарко и др. Л., 1990.
Бондарко А.В. и др. 1991 – Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Под ред. А.В. Бондарко и др. СПб., 1991.

- Бондарко А.В. и др.* 1992 – Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность / Под ред. А.В. Бондарко и др. СПб., 1992.
- Бондарко А.В. и др.* 1996 – Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Под ред. А.В. Бондарко и др. СПб., 1996.
- Булыгина Т.В.* 1980 – Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Кибрик А.Е.* 1992 – Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

- Недьялков В.П., ред.* 1983 – Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
- Холодович А.А., ред.* 1974 – Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974.
- Храковский В.С.* 1990 – Взаимодействие грамматических категорий глагола (опыт анализа) // ВЯ. 1990. № 5.
- Храковский В.С., ред.* 1989 – Типология итеративных конструкций. Л., 1989.

Е.В. Клобуков